

Калинин Алексей

Кардиограмма
любви

Алексей Калинин

Кардиограмма любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29181078

SelfPub; 2018

Аннотация

Татьяна после аварии впадает в кому. Сергей пытается всеми правдами и неправдами вырвать её из лап тяжелого сна. Кто же виноват в странной аварии? Тот, кто строит ловушки и ставит капканы Сергею. Предательство и смерть всегда танцуют там, где крутятся большие деньги. Друг может в любой момент обернуться врагом, а враг стать в два раза злее. Татьяна пытается помочь мужу, но возможности её очень и очень ограничены. Она избрала очень странный способ помощи из больничной палаты...

Глава 1

Мужчина не должен плакать. Никогда. С тех пор, как осознал, что стал мужчиной, он взял ответственность за проявление эмоций. Слезы не должны покидать частокол ресниц, не должны окроплять мешки под глазами, не должны катиться по бритым щекам. Ни при каких обстоятельствах они не должны появляться наружу. Даже сейчас, когда мужчина сидит возле больничной кровати.

Мужчина не должен распускать нюни. Это не достойно его. Терпеть, стиснуть зубы и перенаправить эмоции в другое русло... Но не плакать! Нет! Мужчине можно злиться, бешоваться, искать виновных. Почему же тогда суровый взгляд застыл и напоминает осколки сосульки? И вот-вот эти осколки начнут таять.

Рука гладит поручень кровати, похожий на выбеленную берцовую кость. Гладить можно – плакать нельзя. Нельзя показывать чувства – могут зайти и увидеть «железного начальника» со следами влаги на щеках. За белой, как саван, дверью находятся не меньше пяти сослуживцев. Пяток людей, которые слетелись, чтобы увидеть исполнительного директора в бедственном положении. Чтобы появились поводы для сплетен за чашкой обеденного кофе...

Мужчина проводит рукой по короткому ежику пепельных волос. Сколько седых добавилось? Явно немало. После той ночи, когда жена вспылила и выскочила из дома...

Мужчины не плачут...

На кого она похожа сейчас? На куклу вуду, в которую вкололи множество игл, и от них ползут матовые змейки капельниц? На корень мандрагоры с оторванными нижними корешками?

Да, теперь на месте длинных ног находится пустота... Как муж объяснит это жене, когда она проснется? Как взглянет в глаза? Ведь они хотели сделать так много. Хотели рождения детей, хотели начать бегать по утрам, хотели в отпуск побродить по улочкам Парижа, хотели...

А проснется ли? Выйдет из тяжелого состояния, грозящего смертью. Выйдет из комы?

Она похожа на пилота сверхскоростного самолета, респиратор которого идет к аппарату искусственной вентиляции легких? Или похожа на египетскую жену фараона, которую забальзамировали, обмотали бинтами и вот-вот опустят в саркофаг?

Какая она будет после снятия бинтов? Останется ли прежней?

Мужчины не плачут. Длинные ресницы не дают упасть горячей влаге. Он вытирает глаза. Это лишь соринка, это не слезы! Прямой нос шмыгает, а желваки вздуваются буграми. Подтянутый и моложавый, на вид не больше тридцати, он всегда гордился тем, что мог пройти по улице и чуть возвышаться над женой, когда та одевала туфли на высоком каблуке. Да, нашел чем гордиться. Теперь он всегда будет воз-

вышаться.

Он должен оставаться спокойным. Он должен сдерживаться. Он должен...

Мужчины не плачут...

Нет. Его глаза должны оставаться сухими, сердце горячим, а разум холодным. Ему нельзя показывать эмоций, ведь он же Курихин. Генеральный директор концерна «Тансер». Человек с негибаемой волей и алмазным стержнем вместо позвоночника. Человек-гранит, человек-титан...

Человек, который в одном миге от того, чтобы упасть на белоснежную простыню и разрыдаться...

Мужчина не должен плакать, когда звучит телефонный звонок, а на мониторе высвечивается лицо главного заместителя. Леонид Михайлович Лупарев обладает способностью звонить в самое неудобное время. Сейчас он не упускает возможности подтвердить свою репутацию.

– Да, Курихин на связи.

– Сергей Павлович, это вас Лупарев беспокоит. Вам удобно говорить?

Вот ведь знает, что директор поехал в больницу к жене. Знает, что лучше не беспокоить. Знает и всё равно звонит.

– Слушаю, – вздыхает мужчина в больничной палате. – Что случилось?

– Я хочу извиниться, что отрываю вас, но это дело, не требующее отлагательств. Если бы я сам...

– Я тебя когда-нибудь уволю. Ты можешь изъясняться чет-

ко?

– Мне и в самом деле...

– Михалыч, короче!

– У меня в кабинете сидит налоговый инспектор и просит уточнить данные о прибыли за февраль...

– С-с-с... – у мужчины получается сдержаться. – Слушай, а в другое время никак нельзя? Я сейчас возле Татьяны.

– Я извиняюсь, но на нас могут наложить существенные штрафы. Дело в нескольких цифрах, а труда по разгребанию...

– Ладно, сейчас.

Мужчина достает из внутреннего кармана блокнотик в кожаном переплете. Тот самый блокнот, который подарила жена, когда они были на конференции в Дании. На обложке вытеснен одноногий оловянный солдатик, а воздушная балерина протягивает к нему тонкие ручки. «Minfavorit» – всего два слова на коже. «Мой любимый». Подарила в качестве сувенира мужу. Маленький, романтический подарок.

Мужчина не должен плакать. Мужчина должен быть стойким, как этот оловянный солдатик! Вот только балерина уже не спляшет на своих стройных ножках...

Кажется, что этот подарок развернул только вчера. Но блокнот уже наполовину заполнен убористым текстом. Понятные только одному Сергею крючки и цифры. Он диктует. Уточняет и откладывает блокнот на столик возле постели.

– Всё?

– Как там Татьяна Васильевна? – после небольшой заминки спрашивает Леонид Михайлович.

– Ещё не приходила в себя. Она... Кхм. Ладно, у тебя всё?

– Да, извините.

Прямоугольник телефона издает жалобный писк, будто протестует против прекращения разговора.

Мужчина снова впивается взглядом в жену. Сейчас она кажется такой беззащитной, как ромашка на каменистом склоне – пойдет сильный дождь и смоем прочь. Как удержать её? Если бы можно отдать часть своей жизни для того, чтобы поднять Татьяну с постели, то отдал бы. Без раздумий отдал. Лишь бы она снова говорила, улыбалась, любила его.

Палата клиники «Миракс» обставлена самым дорогим оборудованием. Аппарат искусственной вентиляции легких бесперебойно закачивает воздух в легкие Татьяны. Кардиомонитор рисует горы и ущелья. Пики не могут не радовать. Гористые пики – результат сердечной деятельности Татьяны. Она жива, пока рисуются горы. Провода и капельницы, гудение и попискивание. Как Татьяна может спать при таком шуме? Она должна проснуться!

Мужчина не должен плакать...

Если бы можно было вернуть эти три дня назад. Он ни за что бы не дал ей уйти, ни за что не дал хлопнуть дверью и сесть в машину. Ни за что! Но у истории нет сослагательного наклонения. Свершившееся не повернуть вспять.

Функциональная кровать похожа на плот. На этом плоту

единственная пассажирка, которую швыряет по океану боли, и которая пытается выжить. Сергей где-то читал, что люди в коме слышат других людей, тех, кто находится рядом. А вдруг?

– Милая, прости меня за те слова... – мужчина аккуратно касается женской руки. Касается в том месте, где из-под бинтов виден островок розовой кожи. – Я не понимал, что говорю. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты всегда была рядом. Ты мне нужна... Прости. Слышишь? Я не могу... так виноват перед тобой. Что же ты молчишь?

Татьяна молчит, как молчит ромашка на каменистом склоне. Молчит и не хочет отвечать мужу. Не может...

Мужчина не должен плакать, когда в дверь раздается вежливый стук. Сергей глубоко вздыхает и поворачивается.

– Простите, время посещения заканчивается. Скоро обед и массаж, этого родным лучше не видеть. И к больной ещё хотели зайти сослуживцы, но... – в одиночную палату входит медсестра.

Симпатичная темноволосая девушка лет двадцати, ей очень идет медицинский колпак. Сергей кивает и встает со стула. Его жена не шевелится, так и остается лежать в своем затяннувшемся сне.

– Вы знаете, я скажу коллегам, чтобы они зашли в следующий раз. И это, Светлана... присмотрите, пожалуйста, за тем, чтобы у Татьяны было всё самое лучшее, – оранжевая купюра покидает тонкую пачку, вынутую из кармана, и пря-

чется в нагрудном кармане медсестры. Прячется как раз за бейджиком, который утверждает, что девушку зовут Светлана Соколова.

– Ну что вы, не надо. У нас хорошая зарплата, – смущается девушка и пытается вынуть купюру обратно.

– Это лично вам. Прошу вас принять как оплату труда от меня, а не от больницы, – Сергей останавливает руку девушки.

Мужчина не должен плакать. Он должен кинуть взгляд на лежащую в коме жену и выйти из палаты. Он должен ответить на вопросы о самочувствии и попросить не беспокоить супругу. Он должен в очередной раз выслушать слова соболезнования. Лживые? Правдивые? Мужчина должен покидать в ответ и приободрить коллег какой-нибудь хорошей новостью. Если новостей хороших нет, то должен соврать, что под его ладонью дернулся палец жены. Но он не должен плакать.

– Сергей Павлович, если мы можем чем-нибудь помочь... – начальница отдела по рекламе, Людмила Тереньтева, кладет на плечо ухоженную ладонь.

Сергей чувствует легкий аромат сирени и кедрового ореха. Темноволосая Людмила не раз задерживала на нем взгляд томных глаз. Скорее всего это линзы, ведь не может у человека быть таких глубоких пронзающих светло-синих огоньков. Очаровательное создание тридцати с лишним лет. Бизнес-леди.

– Да, Сергей Павлович, вы только скажите... – вторым плечом завладевает Наталья Мирошниченко, главный бухгалтер. Запах ириса и сливок. О таких говорят, что умом её наградил Бог, а телом Сатана. Красивая и умная женщина. Может, поэтому ей не везет с мужчинами. О том, что причина в другом, Сергей пока не догадывается.

– Мы с девочками всегда рады выручить любимого начальника, – ноздрей касается сандал и красная смородина. К правой лопатке приникает ещё одна нежная рука. Сергей чувствует, как тонкие пальцы чуть сжимаются, словно ногти хотят впиться в шерстяную ткань костюма и сорвать его. Дана Фалеева, главный юрист его концерна. Красотой тоже не обделена.

– Спасибо, дамы. Но я думаю, что справлюсь сам, – Сергей слегка поводит плечами. Женские руки остаются на месте.

Сергей делает порывистый шаг вперед и чувствует, что свободен. Ещё двое сотрудников молчаливо поднимаются. В руках любимые цветы Татьяны. Весь концерт знает, что его жена любит полевые цветы, вот и сейчас в руках начальника производства и коммерческого директора не шикарные розы, а обычные васильки, колокольчики, лютики и свечки люпина. В руках Кирилла Петровича ещё и кожаный ежедневник, который он только что закрыл.

Кожаный ежедневник! Сергей смотрит на него, пока мужчины скупно выражают свои соболезнования. Какая-то мысль жужжит на грани слышимости, словно комар в темной ком-

нате. Мысль не дает покоя, и Сергей кладет руку на грудь. На внутренний карман. Блокнотик! Он же забыл его в палате.

– Извините, коллеги, я сейчас должен вернуться. Спасибо за цветы, я сейчас попрошу, чтобы их поставили в воду.

Два букета, точно такие же, как любила рвать Татьяна, когда они выбирались на редкие пикники. Когда отключали телефоны и теряли связь со всем миром на несколько часов. И в эти моменты весь мир уходил куда-то прочь. Лишь они двое и обязательный букетик цветов. Спроси у Сергея – чем пахнут луговые цветы, и он сразу ответит, что пахнут руками Татьяны и солнцем.

Похоже, в глазах Сергея появляется что-то странное, если три женщины расступаются с озадаченным видом. Он проходит в палату, где медсестра Светлана подготавливает зонд для кормления.

– Прошу прощения. Я тут забыл свой блокнот. Вы позволите?

– Да-да, конечно.

Сергей забирает коричневую книжечку и кивает на букеты в руках.

– Я пока положу их на стул. Потом получится найти какую-нибудь баночку?

– Да, я поставлю их в воду, не волнуйтесь. Мне тоже нравятся полевые цветы, – улыбается Светлана и Сергей невольно отмечает про себя, какие очаровательные ямочки появляются на щеках при обнажении белоснежных зубов.

– Моя жена тоже любит их... Кто знает, вдруг аромат вернет её? И...

Светлана старается не смотреть на него, отводит взгляд, теребит зонд в руках, и в этот момент Сергей понимает, что он мешает ей. Медсестра почему-то чувствует себя неудобно в его присутствии, словно не знает – как себя вести. Это из-за того, что он сунул ей деньги? Неужели ещё остались честные люди? Отдай кому-нибудь из троих за дверь – заберут и даже не будут жеманничать, а эта...

– Извините, я приду завтра. Всего доброго.

– До свидания, – облегченно выдыхает девушка.

– Любимая, до завтра, – обращается мужчина к лежащей жене.

Он ждет пару секунд. Надеется, что произойдет чудо и Татьяна оживет. Но увы, чуда не происходит.

Дальше он едет на рабочее место, где разные люди от него чего-то хотят. Плохая идея. Он честно пытается понять разных людей, пытается помочь, но почему-то не может. Перед глазами постоянно возникает лежащее тело жены. Кое-как он спихивает дела на заместителей и уходит с работы.

Квартира встречает тишиной. Той самой тягучей тишиной, какая образуется при посещении заброшенных зданий. Ведь здесь недавно были люди, звучал смех и лились разговоры, а теперь пятикомнатная квартира пуста. Дорогая мебель? Кому она нужна, если на неё нельзя сесть с Татьяной. Дорогая техника? Да выбросить её, если нет радости готов-

ки с женой. Дорогие полы? Взломать и расколотить, если по ним больше не будут ступать ножки жены... А они больше не будут ступать по этим полам... Никогда.

Сергей проходит в спальню, вытаскивает из кармана блокнотик и бросает его на прикроватный столик. Сейчас бы уснуть и, хотя бы во сне, увидеть Татьяну. Мужчина уже не сдерживает слез. Он уже может себе это позволить. Он один. Возможно, именно из-за слез он промахивается и блокнот падает на пол. Книжечка распаивается и...

Сердце начинает учащенно биться, когда в блокнотике он видит два слова. Этих слов не должно быть. Просто не может быть, ведь ещё в больнице напротив колонки с цифрами белел незаполненный листочек. А теперь эта белизна нарушилась двумя словами. И почерк именно Татьяны, такую завитушку над буквой «З» рисовала только она.

Всего два слова: «За что?»

Интерлюдия

– Где я? Ау!

– Здесь...

– Где это «здесь» и кто вы?

– Здесь – это изнанка того мира, к которому ты привыкла.

Здесь – это место, в которое ты приходила во снах. Здесь – это второй твой дом.

– А кто вы?

– Я тот, кого люди обычно называют ангелом-хранителем. Я тот, кто шел за тобой всю жизнь, охраняя и предостерегая от опасности. Вот от последней не смог уберечь... Увы, и я не всемогущ.

– А почему всё белое и где моё тело? Почему я слышу только ваш голос, но ничего не вижу? Я ослепла?

– Нет, это предбанник изнаночного мира, если хочешь, то назови его «Чистилище». Место, где душа решает – куда ей отправиться дальше.

– Но я же не умерла?

– Нет, твой муж не дает тебе этого сделать.

– Сережка? Где он? Как он?

– Он в реальном мире. Он любит тебя... Очень сильно любит. Из-за этой любви ты и оказалась здесь.

Глава 2

Пытаться понять крайне взволнованного человека также тяжело, как и очень пьяного. Симптомы схожие: руки трясутся, глаза наливаются красным, речь невнятная и сбивчивая. Непонятно – что в следующую секунду сделает этот возбужденный человек. Может улыбнуться, а может ударить. Также ведут себя наркоманы при ломке.

Михаил Евгеньевич, охранник с десятилетним стажем, принял Сергея именно за наркомана. Ведь какой нормальный человек, будет ломиться в закрытые больничные двери

в десять вечера? На этажах тихо, дежурство протекает спокойно, так что же ему надо?

— Мне... Я... жена... Она в коме... Она написала мне записку...

Конечно же наркоман! Пусть хорошо одет, но видно, что его ломает. Русоволосый человек пытается что-то сказать, показывает небольшой блокнот. Блокнот симпатичный, с виду дорогой, но что охраннику с этой демонстрации? Есть же порядок, есть установленные нормы, есть часы посещения.

С терпением святых Михаил Евгеньевич пытается втолковать странному посетителю простые истины. Да, он не откроет дверь. Да, он не пустит. Нет, не нужно протягивать деньги. Нет, он сейчас вызовет полицию.

Слишком хорошее место, чтобы его терять из-за сомнительной возможности стать обладателем половины месячной зарплаты. Вдруг, посетитель и в самом деле наркоман? Тогда у него и деньги фальшивые.

Нет, Михаил Евгеньевич слишком любит свою работу. Завтра он меняется, завтра он едет домой в деревню Оликово, где уже натоплена баня, а в холодильнике дожидается охлажденная полулитровая бутылка. Вахта – пятнадцать через пятнадцать. Дни проходят незаметно за общением с живыми людьми, за покрикиванием на глухих старичков и старушек, которые пытаются пройти без бахил. Да, клиника дорогая, но для получения субсидий принимают и обычных смертных. Дома ждет жена и пара поросят. Сын уже отколол-

ся от их ячейки общества и скоро сделает Михаила Евгеньевича дедушкой. Сыну нужна будет помощь, поэтому терять работу из-за какого-то наркоши...

– Приходите завтра. Время посещения с половины пятого и до семи. Сейчас не положено! Уходите, уважаемый!

«Уважаемый» не пытается даже услышать охранника. Мужчина опять начинает что-то сбивчиво говорить, но охранник отходит от монитора видеозвонка.

Вот почему так всегда происходит? Почему, если вахта проходит спокойно, то в последний день обязательно случается какой-нибудь шухер?

В дверь продолжает ломиться странный посетитель, и охранник достает брелок с кнопкой вызова. Приедут полицейские, вот пусть и разбираются. Они быстро находят управу на таких молодцов, которым не хватает дозы. Вроде бы одет хорошо, вроде бы и деньги есть, недаром же махал веером оранжевых купюр... Мог бы отыскать и в другом месте, зачем он в больницу лезет? Зачем он лезет в смену Михаила Евгеньевича?

– Да откройте же! Позовите кого-нибудь из старших врачей! У меня тут жена в коме... Она мне написала...

Громкий голос за дверью мешает отдыхать больным. Больным нужен покой и отдых, поэтому охранник принимает решение нажать на кнопку. С чистой совестью. Потому что он так должен сделать, а вовсе не потому, что ему так хочется. Одно нажатие на черную таблетку и источник шу-

ма будет устранен. Одно нажатие и наркоман исчезнет. Исчезнет на сегодня, а завтра Михаил Евгеньевич приедет домой, смоет в раскаленной бане дурное воспоминание и зальет остатки этой неприятности ледяной водкой. Выйдет покурить на ступеньки, посмотрит на закат и крякнет от удовольствия.

Но это будет завтра, а сегодня...

– Дядя Миша, кто там бушует? – от девичьего голоса охранник вздрагивает.

Брелок остается в руке. У наркомана ещё есть время свалить по-хорошему. Михаил Евгеньевич оборачивается, хотя он уже знает, кого там увидит. «Дядей Мишей» его называет только одна Светлана, медсестра из отделения интенсивной терапии. Миловидная красавица, которая что-то забыла среди уток и смрада смерти. Уже переделалась и готова к выходу из больницы. Вот только на выходе бушует странный посетитель. Придется Светочку выпускать через боковую дверь.

– Да мужик какой-то. Чой-то непонятное бормочет, вроде как жена у него в коме, и она ему письма пишет. Кукундер у него походу съехал, или же передозняк словил. В общем, хрен его разберешь, я хочу ментов вызывать. Давай-ко тебя сейчас сбоку выпущу, а потом вызову.

– Жена в коме? У нас вроде только две коматозницы лежат. Можно мне глянуть на этого буяна?

– Смотри, мне-то что, – охранник отходит в сторону, и легкая фигурка девушки проскальзывает мимо будки-ста-

канчика, мимо вертушки турникета, мимо неприступной стойки регистрации.

Белая блузка и черная юбка ниже колен. Конский хвост и минимум косметики. Явно не из тех модниц, у которых юбка пояс напоминает и которые стремятся заполучить как можно больше мужского внимания. Охранник крикает: эх, где его двадцать лет...

Светлана заглядывает в экран монитора. Виден разгоряченный мужчина, его кулаки продолжают бить в дверь. Тот самый мужчина, который заплатил ей за присмотр за больной женой. Тот, который принес два букета полевых цветов. Что же такое с ним произошло?

– Дядя Миша, не надо полиции, я его знаю. Это не наркоман. У него и в самом деле жена лежит в нашем отделении. Татьяна, которая без ног.

– Ох ты ж, вон оно чо! Наверно, напился с горя. И чо с ним делать? Он уже и так половину больницы разбудил. Сейчас остальную половину разбудит и мне по шапке настучат. Светуль, дочка, ты иди домой, а менты уже завернут ему ласты. Пусть проспится в «обезьяннике». Проспится, а завтра придет, – хмурится охранник.

– Давайте я сейчас выйду и попробую с ним поговорить? Дядь Миш, не вызывайте пока никого. А я завтра пирожков принесу, – девушка склоняет голову к плечу и умоляюще складывает руки перед собой.

Чем-то Светлана напоминает невестку охранника. Чем-то

неуловимым, может, тоже умеет находить подход к людям? А может – человек душевный? Ещё не испорчена больничным цинизмом. Тем самым, который заставляет врачей скрываться за щитом неприятия чужих страданий. Ведь если постоянно принимаешь чужую боль близко к сердцу, то никаких нервов не хватит. Может, именно поэтому среди тех, кто должен пропагандировать здоровый образ жизни, так много курильщиков?

– Меняюсь я завтра, так что приноси пирожки через две недели. Ладно, Светочка, но, если что я возле двери и... Ух я ему задам! – охранник вынимает из-за коричневой тумбочки палку с чем-то блестящим на конце.

Ножка стула с двумя гвоздями на верхушке. Грозное оружие. Брови Светланы взлетают вверх.

– Дядь Миш, да перестаньте вы. Откуда у вас это?

– Сам сделал. Вдруг понадобится, а я без защиты. Пока менты приедут, меня уже сто раз убить успеют, а тут я хотя бы разок залеплю.

– Не надо, уберите. Я думаю, что у меня получится его успокоить. До свидания, дядь Миш, и хорошей дороги, – девушка останавливается у второй двери и ждет, пока представитель службы безопасности подберет ключи к замку.

– До свидания, Светочка. Если что, я возле двери, – охранник снова хмурит брови и раздувает щеки, чтобы показаться важным.

Девушка улыбается на прощание и выскальзывает на ули-

цу. Михаил Евгеньевич тут же идет обратно. Хотя Светлана и сказала, что подобие «моргенштерна» нужно отставить в сторону, но с оружием он чувствует себя увереннее. Правда, не знает – хватит ли ему храбрости открыть дверь и ударить мужчину, если тот осмелится поднять руку на Светочку? Зато храбрости хватает на набор телефонного номера, который ему оставили на случай появления этого мужчины. После третьего гудка раздается вопросительное мычание.

– Алло? Здравствуйте, это охранник из больницы. Пришел мужчина, про которого вы спрашивали.

В ответ раздался только короткий гудок. «Пик» и всё.

– Ни «здрате», ни «спасибо». Вот что за люди пошли? – ворчит охранник и убирает мобильный телефон в карман. Убирает туда, где уже лежит зелененькая бумажка – награда за беспокойство.

Ага, вот и Светлана показывается. Выныривает из-за угла и идет легкой походкой по направлению к мужчине. И ведь совсем не боится. Июньское солнце уже скрылось за горизонтом, а сумерки лениво покрывают кусты сирени, буйные холмы лип. Посреди сумрачной зелени особенно отчетливо видна её белая блузка.

Светлана поднимается по ступеням и деликатно кашляет. Мужчина поворачивается. Действительно, сейчас он похож на наркомана, которому не хватает дозы. А ведь днем он так походил на успешного и состоятельного бизнесмена. Он и сейчас похож, но какой-то растрепанный: шикарный серый

костюм помят, галстук болтается на одном честном слове. На воротнике рубашки не хватает пуговицы, словно мужчина рванул со злостью ворот, когда ему не хватало воздуха.

– Ммм, девушка, не помню, как вас зовут. Помогите мне объяснить этому долбо... этому не очень умному человеку, что мне нужно попасть к жене... Она мне написала...

Пытаться понять крайне взволнованного человека также тяжело, как и очень пьяного. Как наркомана при ломке. Но этот мужчина уже немного успокоился. Он может внятно изъясняться. Сергей и сам чувствует, что выглядит глупо, но как же объяснить сверхъестественную надпись, которая возникла на чистом листке бумаги? Он ни за что не поверил бы другому человеку, если бы тот сказал ему то, что он пытается донести сейчас до этих людей. Но должно же быть какое-то объяснение.

– Сам ты... это самое, не очень умное! – доносится из-за дверей голос Михаила Евгеньевича, и мужчина в очередной раз бьет кулаком по двери.

– Открой, блин! Мне к жене надо.

– Успокойтесь, – мягко отвечает девушка с зелеными глазами. Говорит как заботливая мать заплаканному ребенку. – Не нужно напрасно тратить силы. Дядя Миша хотел сейчас вызвать полицию, но я не дала. У вас налицо нервный срыв. Вам нужно отдохнуть. С вашей женой все в порядке, с ней сейчас Марина. Она очень опытная медсестра.

Светлана не стала говорить, что отдала деньги Марине.

Матери-одиночке с двумя детьми они нужнее, зато Марина пообещала не отходить от палаты дальше, чем до туалета.

Успокаивающий голос оказывает свое воздействие и дыхание мужчины начинает выравниваться. Он уже не дышит как марафонец, пробежавший пятьдесят километров. Сергей одергивается, приглаживает волосы. Красный цвет потихоньку покидает щеки и глаза.

– Вот вы... Вы были в палате, когда... Скажите, вы не видели – дергалась рука у Татьяны или...

– Нет, она лежала в том самом положении, в каком вы её оставили. Она не приходила в себя, иначе бы аппараты среагировали на её движение. Меня зовут Светлана, – девушка продолжает говорить также мягко.

– Тогда я не знаю. Может... Может я и вправду схожу с ума, но вот что я обнаружил в своем блокноте. Помните, я его оставил на столике? Светлана, я не псих, но эти два слова появились в блокноте. Их там не было. Я четко это помню – их не было.

Светлана видит на развороте листов надпись: «За что?». Затеяливая завитушка украшает первую букву. Словно откушенное с острого конца пряничное сердечко. Возможно, от нервного истощения он сам их написал, а теперь пытается попасть к жене... Зачем? Что он добьется от лежащей в коме? Он может только навредить.

– Знаете, Сергей, приходите лучше завтра. Сейчас же езжайте домой, примите пару таблеток «Афобазола» или трид-

цать каплеь «Гербиона». Вас всё равно сейчас не пустят... Нет-нет, не спорьте. Дядя Миша не пустит, я точно знаю. А завтра придете и сами всё спросите у жены. Хорошо?

Сергей сердито сопит, но не может не признать правоту девушки. И сам он понимает, насколько глупо выглядит сейчас. Понимает, но ничего поделать не может. То, что он сделает дальше, не должен делать сдержанный мужчина, не должен делать генеральный директор концерна. Мужчина не должен показывать слабость. Но Сергей ничего не может с собой поделать – эмоциям нужен выход.

Он стискивает блокнотик в руке, поднимает голову вверх и громко, так громко, что с ближайших лип с карканьем слетают вороны, кричит:

– Татьяна! Я! Люблю! Тебя!

Интерлюдия

– Вы слышите? Слышите?

– Да, это кричит твой Сергей. Он находится возле больницы.

– Как? Как мне ему ответить? Как мне сказать, что я тоже люблю его?

– Ты сможешь сделать это завтра.

– Но как?

– Также, как и сегодня. Какая мысль тебя мучала до тех пор, пока я не отозвался?

– Почему я здесь оказалась? За что мне это?

– Вот именно. Самая сильная мысль оказалась выплеснутой на твой подарок. Из-за этих слов он и примчался.

– На какой подарок?

– На тот, который у Сергея постоянно с собой.

– На часы? На телефон?

– Твоя мысль проявилась у него в блокноте. Два слова. «За что?»

– В датском? С оловянным солдатиком и балериной? А я могу ещё раз...?

– Да в нем. Да, можешь, но только завтра. Выплеск ментальной силы истощает, а ведь ты ещё не закончила дела на Земле. Не только Сергей тебя не отпускает, но и ты держишься за то мгновение, которое люди называют жизнью.

– Я могу только писать? Он увидит лишь записи?

– Не только. Ты ещё можешь... Нет, это очень трудное решение. Вопрос нужно уточнить у Высших сфер.

– Что я могу? Ответь!

– Я не хочу тебя ранить надеждой. О возможном выходе из ситуации мы узнаем только завтра.

– Пожа-а-алуйста.

– Только завтра.

– Не знала, что ангелы могут быть такими злыми.

– Я не злой, я забочусь о тебе. Я могу подарить надежду, а завтра же отнять её... Это будет очень жестоко.

– Мы так и будем беседовать дальше в этом белом свете? Я

не могу разговаривать и не видеть собеседника. Я чувствую от этого дискомфорт.

– Странно, а при беседе по телефону у тебя таких проблем не возникало.

– Раньше я могла представить себе, с кем говорю. Могла видеть свои руки-ноги, а теперь... одно сплошное белое пространство. Так будет продолжаться до тех пор, пока... пока я не завершу свои дела?

– Ты и сейчас можешь представить себе любое место, и оно окажется здесь. Это же твой дом, это твоё сновидение. Можешь представить меня таким, каким захочешь. Внешняя оболочка важна только для тебя.

– Вы не ответили на последний вопрос.

– Ты сама знаешь на него ответ.

Глава 3

Пробуждение утром с больной головой вряд ли обрадует живое существо. Двуногому существу с гордым названием «человек» такое пробуждение точно не доставляет удовольствия.

Двуногое существо по имени Сергей смог забыться лишь на рассвете. Окунулся в темноту сновидений и остаток ночи бежал к закрытой двери. К деревянной дачной двери, за которой скрылась любимая жена. Его Татьяна.

Он слышал, как завелась «Бентли», слышал, как скольз-

нули в сторону раздвижные ворота. Он немного не успевал. Совсем чуть-чуть. Он почти коснулся дверной ручки и набрал в грудь воздуха, чтобы крикнуть о том, что просит прощения. Сергей хотел много чего ещё прокричать, но противный зуммер вырвал из липкого сна.

Покрывало мокрой тряпкой отлетает в сторону. Сергей проводит ладонью по лбу, на коже поблескивают капли пота. Кондиционер вроде бы исправен, почему же он так вспотел?

– Доброе утро! – бодрым голосом приветствует густо накрашенная ведущая из экрана телевизора. – В Москве сейчас хорошая погода. Мы гуляем по Краснопресненской набережной и ведем отсюда наш репортаж...

Телевизор сам включился, стоило только фиксатору движения засечь перемещение. Татьяна любила смотреть во время «Доброе утро». Говорила, что это её заряжает оптимизмом. Это днем и вечером в основном говорят об убийствах и трагедиях. Утро должно быть добрым. Вот только вряд ли можно назвать добрым утро, которое начинается с головной боли.

Черный кофе горчит, тосты кажутся пересушенными, яичница подгорает. Мужчина пытается обходиться без женщины. У мужчины это получается плохо. Нет, Сергей умеет обращаться и с плитой, и с приготовлением, но мысли витают далеко. Они находятся в палате, рядом с женой. Рядом с единственным существом, которое прошла с ним через многие тернии, чтобы оказаться в прослойке общества, называ-

емой «элитой».

Сколько ей пришлось пережить, когда они развивали свою фирму? Она терпела. Сколько раз он не приходил домой, оставаясь ночевать в офисе, а утром приветствовал её огромными мешками под глазами. Она терпела. Сколько раз он падал без сил на кровать, чтобы тут же отключиться? Она терпела. Сил не хватало на поцелуй, не то что на полноценный секс. Она всегда была рядом. Она поддерживала и подбадривала. И что? К чему все эти деньги, акции, заводы, компании? Зачем всё это, если её рядом нет?

– Сегодня день летнего солнцестояния, а в этот день... – вещает улыбчивая ведущая, волосами которой играет шаловливый ветер.

«А в этот день нет со мной Татьяны», – мрачно думает Сергей, когда выходит из душа и слышит женский голос. – «Сегодня я буду у неё. А пока что нужно сосредоточиться на работе!»

Москва-сити встречает блестящими небоскребами. Его парковочное место свободно, и черная пуля «Мерседеса» ложится в него как в обойму. Асфальт рядом будет свободен еще долгое время. Там всегда вставала красная «Бентли» Татьяны. Они ставили машины под камеры наблюдения и спокойно шли в офис. По пути переговаривались, шутили, поднимали друг другу настроение и настраивались на рабочий день.

Так было в прошлом... Вряд ли когда такое будет в буду-

щем. Сергей покидает уютное кожаное нутро автомобиля.

Костюмы, костюмы, костюмы. Кругом одни костюмы и серьезные лица. На работу идут штампованные люди со штампованными физиономиями, в глазах которых видна одна лишь нажива. Интересно, а дома, когда они снимают костюм и надевают треники с оттянутыми коленками, эти люди скидывают рабочие маски, или постное выражение лица навсегда приклеивается к деловому человеку?

Сергей грустно усмехается своим мыслям. Конечно же снимают. Маска – это всего лишь предмет рабочего обихода, который надевают для лучшей продажи себя. Чем крепче маска, тем меньше эмоций вырывается наружу. Дома он заставлял себя стаскивать холодное выражение, то самое, которое сейчас отражается в стекле раздвижной двери. Дома он как в крепости, где прекрасная принцесса любила его – рыцаря и дракона в одном существе. И головная боль у этого двуногого существа до сих пор не проходит.

Нет, надо погрузиться в работу, уйти от невеселых мыслей в привычный омут рутины. Кивать на приветствия людей, скользить спокойным взглядом по лицам, уверенно шагать по начищенным плиткам пола. Выглядеть собранным и сосредоточенным. Представлять своим видом несокрушимый айсберг, о который разобьется любой «Титаник». Руководитель не может себе позволить выглядеть несчастным и разбитым, ведь на него смотрят подчиненные.

На тридцатом этаже он задерживается у двери с таблич-

кой «Исполнительный директор Курихина Т. А.» Её дверь находится напротив его кабинета, но законы бизнеса не любят сердечных отношений. Случались дни, когда они расставались утром, а встречались лишь вечером, за ужином. Двадцать метров, но и они были пропастью.

Ковровые дорожки скрадывают шаги, матовое стекло стен кабинетов лишь намекает, что внутри находятся люди. Встречные коллеги здороваются и отводят глаза.

Когда у тебя счастье, то все стараются оказаться рядом, отщипнуть кусочек. В горе же люди сторонятся тебя, как прокаженного. Боятся, что беда может перекинуться и на них. Короткие «здравствуйте» и тут же отводят глаза. Даже Дарья, секретарь. Здоровается, протягивает бумаги на подпись... и не поднимает глаз.

Коричневая дверь закрывается за спиной. Тишина. Тишина и одиночество. За дверью бурлит жизнь, а тут...

Из панорамного окна кабинета генерального директора открывается прекрасный вид на лежащую внизу Москву. Когда они с Татьяной в прошлом году первый раз посетили этот кабинет, то стояли зачарованные грандиозным московским закатом. Небо горело раскаленной жаровней с редкими угольками облаков. Он обнимал её, стоя за спиной, и шептал, что у них всё будет хорошо. И она в его руках... такая мягкая, чудесно пахнущая...

Сергей кладет бумаги на кипарисовый стол, подходит к окну. Из зелени деревьев выныривают геометрические фи-

гуры домов, кубы и параллелепипеды. Словно маленький ребенок играл и оставил детали «Лего» на траве. Люди внизу мелкие, как муравьи. Садятся эти муравьи в блестящие коробочки и отъезжают по своим муравьиным делам. Вон и его черная коробочка. Вот только красной коробочки Татьяны рядом нет.

Сердце начинает стучать сильнее. А если сейчас сделать пару шагов назад и...

– Сергей Павлович, к вам Людмила Анатольевна, – коммуникатор беспардонно вырывает из мрачных мыслей.

– Да, Дарья, пусть заходит. – Сергей делает над собой усилие, приклеивает на место маску генерального директора и идет встречать начальницу отдела по рекламе.

Центр Москва-сити диктует строгий дресс-код, поэтому здесь не ходят в легкомысленных сарафанчиках, которые исчезают, если владелица встанет на свет. Но женщина всегда остается женщиной и Людмиле Терентьевой удастся быть соблазнительной даже в синем деловом костюме. Темные волосы чуть отдают каштаном, словно грива игреновой лошади под дождем. Кусочки неба смотрят, не моргая, гипнотизируют начальника. Сколько же часов нужно провести в фитнес-зале и сколько нервов убить на диеты, чтобы получить такую соблазнительную фигуру? Или это результаты хирургического вмешательства?

– Здравствуйте, Сергей Павлович. Простите, что беспокою вас...

Смотрит вопросительно, как нашкодивший ребенок на уставшую маму – прогонит или улыбнется? Сергей кивает в ответ и делает приглашающий жест в сторону кресла.

– Здравствуйте, Людмила Анатольевна. Ничего страшно-го, мне как раз нужно погрузиться в работу, а то бизнес не любит, когда о нем забывают.

Женщина проходит к столу и раскладывает по блестящей поверхности несколько эскизов. Сергей рассматривает рисунки. От его мнения зависело развитие рекламной кампании. Может кому-то покажется странным, но так уж повелось с запуска первого рекламного ролика, что решающее мнение выносит именно Сергей.

У него обнаружился редкий дар так красиво преподнести свой товар, что люди выбирали именно их бытовую технику. Ролики запоминались, слоганы врезались в память, и концерн «Тансер» уверенно протискивался среди таких гигантов, как «Bosh» и «Sony».

– Мне так жаль... Нам очень не хватает Татьяны.

– Она ещё вернется. Соскучится по работе и вернется. Вот тогда вы будете вспоминать дни без неё летними каникулами, – хмыкает Сергей и откладывает в сторону пару рисунков. – Зачем вы выбрали военную тематику?

На фоне бассейна лежит худенькая женщина, и к ней подъезжает чайник на колесиках. С первого взгляда чайник можно принять за футуристический танк. На другом рисунке газовая плита похожа на бруствер, из которого выглядыва-

вает курица-гриль. Всё бы ничего, но у этой курицы на месте головы находится круглая каска. Другие рисунки тоже делали акцент на военной теме.

– Сейчас идет такой подъем патриотизма, что мы подума-
ли...

– Вы подумали, что такой агрессивной рекламой можно приманить покупателя? Нет, Людмила. Санкции снимут не сегодня, так завтра. И где мы окажемся с этой рекламой, когда россиянам снова скажут, что Америка дружественная страна? Нет, надо смотреть в будущее. Мы не будем спекулировать на патриотизме. Мы производим качественную бытовую технику, а не орудия смерти, – покачивает головой Сергей, когда разглядывает рисунки.

Татьяне это точно не понравится. Мало кому бы это понравилось.

– Но вот этот рисунок... Видите, вполне мирный, – Людмила показывает на крайний рисунок, где среди ромашек змейкой ползет плойка, а за ней крадется тостер.

Показывает на рисунок и словно невзначай прикасается бедром к бедру директора.

Нос Сергея распознает сладковатый запах сирени и кедрового ореха. Ноздри невольно дергаются, когда втягивают воздух. Людмила протягивает руку, чуть нагибается над столом и вырез блузки бросается в глаза.

Когда она успела обойти стол и приблизиться к Сергею? Слишком уж он внимательно всматривается в эскизы. И

слишком внимательно будет всматриваться, чтобы переводить взгляд на загорелую кожу двух приоткрытых полушарий.

– Нет! Это тоже не годится, – Сергей отстраняется от Людмилы и складывает рисунки в одну кучу. – Я верю, что вы можете придумать что-либо более действенное, чем эти агрессивные предметы. Техника должна быть помощником человеку. Всё для домохозяек, всё для милых дам. Вот в таком ключе и надо работать. Не стоит рисовать мишени для мужей-охотников. Это же не техноапокалипсис.

Людмила улыбается загадочной улыбкой. Такую улыбку можно увидеть на портрете Моны Лизы. Вроде бы и задумчивая, вроде бы и загадочная. Голубые огоньки глаз сверкают яркими диодами.

– Хорошо, Сергей Павлович, в следующий раз мы постараемся придумать более действенное решение, – эскизы аккуратно складываются в папочку и синий прямоугольник прижимается к вырезу блузки. – Я рада, что вы так хорошо себя держите в руках.

– Спасибо. А я жду ваших новых наработок. Думаю, что сегодня к вечеру вы вполне сможете их осуществить, – кивает Сергей.

Покачивая бедрами, словно ступает по подиуму, Людмила неспешно удаляется.

– Мы постараемся, – снова мелькает загадочная улыбка, и дверь закрывается за женской спиной.

Сергей лишь спустя несколько минут вспоминает, что вечером он не сможет увидеть эскизы. Вечером он будет у жены. У Танечки.

Он снова открывает блокнотик на страничке с буквами.

«За что?»

Надпись никуда не делась. Вот только что-то ещё появляется с другой стороны листка. Какие-то буквы...

Он с замиранием сердца переворачивает листок и там...

Блокнотик падает из рук. Он шлепается на эксклюзивный паркет с изогнутой структурой и издает глухой квакающий звук, словно недовольный подобным обращением. Оловянный солдатик всё с той же любовью взирает на балерину, а она тянет к нему тонкие ручки.

Показалось? Нет?

Неужели и в самом деле..?

Кожаное кресло скрипит под Сергеем, а тот с трудом успокаивает дрожь в ногах. Рука тянется к блокнотику. Рука открывает на нужной странице. Открывает медленно, осторожно, словно переносит бабочку с одного цветка на другой. Головная боль забыта, словно её никогда и не было.

Нет, не показалось. Округлым почерком, Татьяниным почерком, выведены слова: «Я люблю тебя! Всё будет хорошо!»

Интерлюдия

– У меня получилось?

– Да, он увидел твоё послание. Он радуется, как ребенок.

– Очень тяжело. Я чувствую усталость. Неужели так будет каждый раз?

– Нет, не каждый... Я узнал у... В общем, ты можешь общаться с Сергеем по-иному.

– Как? Я согласна на всё! Как же? Не молчите!

– Если сможешь найти человека, который согласится выручить тебя, помочь тебе... Если он даст согласие быть запертым в твоём теле, пока ты будешь хозяйничать в его... Это маловероятно, но именно в таком случае ты сможешь поговорить с Сергеем.

– Но где же я найду такого человека?

– Ты можешь походить по снам своих знакомых, попросить их. Или уговорить кого-нибудь незнакомого. У тебя много возможностей, которые ты пока ещё не использовала.

– Моих знакомых? Я могу обойти всех, но как их убедить? Ведь я же невидима.

– Я вчера говорил, что ты можешь представить любое место, которое тебе нравилось в реальной жизни. Попробуй.

Сначала в белом безграничном свете возникает легкий туман, похожий на дымок от березовых дров. Потом этот дымок начинает уплотняться. Он меняется, изгибается, танцует и становится гуще. Сквозь волны дыма проступают очертания кресел, стен, пола и потолка.

Проходит ещё немного времени и вместо яркой белизны возникает комната, где горит огонь в камине, где возле ка-

мина стоят кресла и круглый столик, где на стенах висят прекрасные пейзажи, а под потолком светит люстра. Гостиная их дачи. Место, где они любили вместе с Сергеем просто сидеть у огня и молчать. Место, откуда она выбежала во время ссоры.

– Видишь, у тебя всё получилось.

– Но я всё также бесплотна.

– Напрягись и представь себя. Ты можешь быть той, которую помнишь. Можешь стать маленькой девочкой, или же юной студенткой.

– Нет, я хочу быть собой, прежней.

В центре комнаты проступают очертания женской фигуры. словно фотографию опустили в проявитель, и теперь, миллиметр за миллиметром, возникает она, Татьяна. Светлые волосы забраны в конский хвост, зеленый спортивный костюм не скрывает, а подчеркивает ладную фигуру. Светлые глаза осматривают проступающие руки и ноги. Ни ран, ни ссадин, ни царапин. Такая же, как в момент, когда она выбежала на улицу.

– Чудесно, теперь меня точно узнают.

– Хорошо. Я рад, что тебе это удалось. Ты очень сильная женщина.

– А теперь я представлю вас. Поверьте, очень надоело разговаривать с невидимкой.

Продавщица цветов озадаченно смотрит на симпатичного русоволосого мужчину. Судя по дороговому костюму, количеству банковских карт и прослойке купюр в кошельке, он запросто может купить всё содержимое ларька с крикливым названием «Цветочный бутик», а на сдачу приобрести остророгов на Гаваях. Почему же он просит именно полевые цветы?

– Мужчина, если вы хотите удивить и порадовать свою женщину, то лучше вот этого букета вам не найти, – продавщица пытается перевести внимание на другой букет, более солидный. – Модные дизайнеры рекомендуют в этом месяце исключительно орхидеи и лилии. Они должны подчеркнуть...

– Спасибо, я ценю вашу заботу, но мне нужны другие.

– Но это же для студентов, а вы, такой импозантный мужчина... Может, посмотрите вот на эти? – женщина показывает на шикарный букет, яркий и без сомнения безумно дорогой. Тут же «Цветочный бутик», а не вазоны у бабушки из подземного перехода.

Розы всех цветов радуги высовывают соцветия из плетеной корзинки и кричат, широко разевая бутоны, что они рождены быть подаренными. Прозрачная пленка украшена золотистой бахромой, призванной создать иллюзию богатства и обеспеченности дарителя. Кичливо, напыщенно и... безвкусно.

– Ещё раз спасибо, девушка. Я понимаю ваше желание помочь, но прошу всё же этот букет. Если снова будете предлагать иные варианты, то я уеду в другое место.

– Хорошо, этот так этот, но вот если...

Мужчина не дает женщине договорить. Он кладет купюру, в несколько раз превышающую стоимость букета, на монетницу, забирает приглянувшийся букет из ромашек, васильков, колокольчиков, и выходит наружу. Вслед несется несмелый окрик о сдаче. Понятно, что продавщица сидит на проценте с продаж, но рассказывать ей, что нужен букет именно полевых цветов – нет никакого желания. Рассказывать о лежащей в больнице жене – терять напрасно время. А час открытия посещений неумолимо приближается.

Продавщица вздыхает, глядя, как мужчина садится в дорогой «Мерседес» и кладет на второе сидение непритязательную покупку. Вот повезло кому-то. Она бы тоже не отказалась принять подарок из его рук. Любой подарок, даже этот задрипанный букетик... А пока женщина открывает любовный роман, чтение которого было прервано появлением мужчины, и снова погружается в переживания за главных героев.

Несмотря на все попытки окунуться в работу, у Сергея снова ничего не получается. После обнаруженных слов в груди вырос теплый воздушный шар, который никак не хочет сдуваться. Этот шар щекочет изнутри и каким-то образом старается растянуть уголки губ в улыбке. Леонид Михайло-

вич только взглянул на него и тут же посоветовал сегодня взять выходной. Улыбку сдержать не удастся. И это в глазах главного заместителя было не совсем верно, не совсем правильно. В глазах управляющего это был очевидный намек на психоз. Сергей не стал спорить.

«Я люблю тебя! Всё будет хорошо!»

Сколько раз эти слова поднимали его в прошлом? Когда он походил на боксера в нокауте, когда ноги становились ватными, а руки отказывались подниматься? Когда проверки следовали одна за другой, а счета грозились стать замороженными? Когда проблемы наступали со всех сторон и тянули клыкастые пасти, чтобы оторвать кусок заработанного потом и кровью?

«Я люблю тебя! Всё будет хорошо!» – говорила Татьяна и словно вливала в Сергея живую воду.

И проблемы становились несущественными и вполне решаемыми, и проверяющие люди с инстанций приходили и уходили удовлетворенными, и счета размораживались.

«Я люблю тебя! Всё будет хорошо!»

Такими же словами он подбадривал, когда у Татьяны что-то не получалось. Говорил и видел, как она расцветает. Говорил и не сомневался, что это правда.

Это была их формула, их волшебное заклинание, которое способно было осушать моря и растирать горы в пыль. И эти слова оказались на листке блокнота. Без сомнения, это написала Татьяна.

Бледно-желтое здание больницы взирает подслеповатыми глазами на то, как из припаркованного «Мерседеса» выходит мужчина с букетиком в руках. Солнце разбрасывает лучи по капотам и лобовым стеклам машин. Оно пускает зайчики в палаты, словно влюбленный мальчишка вызывает девочку из соседнего двора погулять. Да, сейчас стоит только позвонить по мобильному телефону, или скинуть смску, как девушка скажет о своей готовности выйти на улицу, а Сергей застал ещё то время, когда вызывал Татьяну на прогулку с помощью шаловливых отблесков зеркальца.

Охранник скользит равнодушным взглядом по Сергею, когда тот проходит мимо и толкает рукоять турникета. Не узнал или делает вид? А может, это другой человек? Настроение у Сергея такое, что без раздумий попросил бы прощения, стоит охраннику заикнуться о вчерашнем эпизоде. Но тот не заикается.

Сергей идет по больничному коридору и невольно сравнивает его с белым медицинским халатом. Вот белый-белый потолок, словно халат только что вынули со склада. Вот стены, светло-бежевые – халат носят не меньше десяти стирок. Вот пол, светло-сероватый, будто халат уже находится на крайней стадии, когда нитки начинают истончаться и лопаться от времени. И темно-серые пролеты лестниц, крайняя стадия халата – половая тряпка.

Он открывает дверь в нужную палату, словно приоткрывает карман у халата, и натывается на взгляд зеленых глаз.

Вчерашняя медсестра. Девушка робко улыбается и отходит от окна.

– Здравствуйте... ммм... Светлана, – Сергею снова приходится искать глазами бейджик. Почему-то её имя выскакивает у него постоянно из головы.

– Здравствуйте, Сергей Павлович. Сегодня вам лучше?

– Мне да, а как дела у Татьяны?

Сергей вставляет букет рядом со вчерашними. Цветы ничуть не повяли, будто в воду кинули полтаблетки стрептомицина.

Татьяна лежит в том самом положении, в каком он её вчера оставил. Вот только постельное белье другое. И рука лежит на груди. Татьяна всё также спит в своем зачарованном сне. Если бы можно было, как в сказке, разбудить её поцелуем...

– Вы знаете, сегодня был небольшой скачок активности... сработал кардиомонитор. Вроде бы ничего существенного, но на фоне общей стабильности... Вам об этом лучше всего поговорить с доктором. В целом состояние не улучшилось, но и не ухудшилось, – добавляет Светлана, видя, как дымка ложится на лоб Сергея.

Сергей секунду колеблется, потом достает блокнот. Видит удивленно вскинутые брови Светланы. Почему он решает ей показать запись? Он и сам не знает.

– Прошу прощения за мое вчерашнее поведение, я был немного не в себе. Но сегодня случилось вот это. Новые сло-

ва появились на листке. Это наши с Татьяной слова. Вы можете сказать, как они тут появились?

«Я люблю тебя! Всё будет хорошо!»

Светлана сглатывает и на её щеках появляется румянец. Как объяснить этому мужчине в дорогом костюме, что это всего лишь его фантазия? Что это он сам написал и забыл? А он смотрит. Смотрит с надеждой, что девушка даст ответ. Не известные психотерапевты и психологи, а она, девушка-медсестра.

– Вы вчера так были возбуждены... Возможно из-за стресса и депрессии вы впали в состояние забывчивости. Эту надпись могли сделать вы, а потом забыть про это и сейчас...

– Нет, Светлана, такого просто не может быть. Я совершенно здоров! Я не псих! Я... Простите, я напугал вас.

Светлана и в самом деле делает шаг назад.

– Я не хотел. Вы правы, мне и в самом деле лучше поговорить с доктором. Когда я смогу его увидеть? – Сергей убирает блокнот обратно.

– Я сейчас его приглашу. Не волнуйтесь, всё хорошо, – девушка робко улыбается и выходит из палаты.

Сергей ловит себя на мысли, что Светлана так и не взглянула ему в глаза. В мире бизнеса это могло означать какой-то подвох со стороны собеседника. Хотя, в мире бизнеса тебе будут улыбаться в лицо, а в спину запросто воткнуть нож. В обычном же мире это означает неуверенность.

Мужчина присаживается на стул и накрывает ладонь Та-

тьяны. Теплые пальцы безжизненны.

– Милая, я знаю, что ты меня слышишь. Ответь мне, дай какой-нибудь знак, – шепчет Сергей с надеждой вглядываясь в забинтованное лицо жены.

В ответ тишина. Всё также тихо гудит аппарат искусственной вентиляции легких, всё также по монитору чередуются пики и ущелья.

– Танечка, я очень люблю тебя. Если бы ты знала, как мне сейчас плохо без тебя... Посмотри, я принес твои любимые ромашки и васильки. Мне продавщица пыталась подсунуть другие, но я же знаю, какие цветы ты любишь.

За оконным стеклом птицы радуются лету. То и дело какой-нибудь прыткий воробей пролетает серым комочком мимо окна, словно рядом с палатой у них находится гнездо. Они находятся в движении, в отличие от лежащей Татьяны.

Сергей тяжело вздыхает. Жена не хочет отвечать. Словно обиделась и теперь выдерживает паузу. Ей есть на что обижаться, но как просить прощения у лежащей в коме?

Мужчина достает блокнот. Накрывает его ладонью Татьяны.

– Это же ты мне писала? Ответь, правда же ты? Я же не сошел с ума?

Зуммер кардиомонитора начинает пикать активнее. Горы и ущелья удлиняются. Неужели Татьяна слышит его?

– Танечка, милая, просыпайся. Я тут... рядом. Я очень близко. Я люблю тебя! Всё будет хорошо.

На миг, всего на одно мгновение Сергей ощущает, как рука под его ладонью дергается. Рука Татьяны сжимает блокнотик!

– Таня! Ты меня слышишь!

– Вон из палаты! – слышится громогласный голос, и в плечи Сергея впиваются кузнечные клещи.

– Как вон? – не понимает Сергей. – Татьяна же просыпается. Она приходит в себя! Пустите меня, доктор!

– Сестра, срочно готовьте реанимационную и пять кубиков адреналина! Мужчина, вы кто, муж? Тогда выйдите и не мешайтесь! Неужели не видите, что она умирает? – доктор кивает на монитор, где пики и ущелья начинают сглаживаться, словно уральские горы переходят в Русскую равнину.

И зуммер начинает пищать противно, будто в телевизоре, когда на телеканале ведутся профилактические работы. Вот только тут не телевидение и профилактика вряд ли нужна кардиомонитору. Скорее она нужна его жене. Сергей видит, как рука Татьяны обессилено падает.

Сухонький врач, чем-то напоминающий вождя мирового пролетариата, оказывается на удивление сильным и у него получается вытолкнуть Сергея из палаты. В тот самый коридор, который напоминает медицинский халат. Потолок, стены, пол, лестничные пролеты.

Сергей отходит в сторону и приваливается спиной к стене. Мимо быстрым шагом проходят врачи, медсестры. Из палаты Татьяны выезжает функциональная кровать, которую

обступили четыре человека. Четыре врача. Они что-то говорят друг другу, придерживают капельницы. Что-то говорят, а Сергей не слышит.

Сергей старается увидеть свою жену на кровати, но спины в белых халатах закрывают обзор. Он пытается подняться на цыпочки, но ослабевшие ноги не дают этого сделать, и мужчина сползает по стене. Состояние глубокого безразличия укутывает его махровым полотенцем. Он даже не чувствует холод пола. Он лишь видит, как кровать с его женой скрывается за поворотом коридора.

Нашатырный запах отрезвляет не хуже ведра ледяной воды. Белая ватка покачивается у носа. Сергей видит знакомые зеленые глаза. Светлана! Теперь он это имя вспоминает без усилий.

– Что с Татьяной? – голос звучит хрипло, будто он только что вернулся из пустыни.

– Уже лучше. Пик кризиса миновал. Что произошло в палате? – обеспокоенно спрашивает Светлана.

– Она вдруг сжала блокнот. Сжала и отпустила. Вы до сих пор мне не верите, что она делает эти записи?

– Я не знаю. Вам лучше встать с пола. Пойдемте, я провожу вас в кабинет. Там вы подождете доктора и всё ему расскажете.

Интерлюдия

– Перестань! Немедленно перестань! Ты же убиваешь себя! – мужчина с пепельно-белыми волосами трясет Татьяну.

Женщина пытается вырваться из цепких рук. Она бьется на ковре в центре гостиной. Глаза безумно вращаются, руки сжимаются и разжимаются с такой силой, что вложи в них грецкие орехи и раскрошится скорлупа на мелкие части.

– Пусти-и-и, он зовет меня-а-а...

– Татьяна!!! Приди в себя!!!

Звуковая волна пригвождает женщину к полу. Она замирает, как собака, которая учуяла дичь и сделала стойку. Потом воздух с шумом вырывается из легких, и она обмякает.

Мужчина поднимает её легкое тело и укладывает на одно из кресел возле камина. Мужчина выглядит странно, будто только что прибыл с карнавала. Мускулистое тело покрывает красная греческая тога, на плече правой руки широкий браслет. Но особое внимание привлекают два огромных белых крыла за спиной. Они мешают мужчине, задевают предметы и путаются под ногами. Белое перо слетает с левой верхушки и ложится женщине на колени.

– Всё-всё, – устало выдыхает женщина. – Я вернулась. Что это было?

– Эмоциональный выплеск. Ты чуть не истратила все силы на движение рукой. Зачем?

– Я не знаю. Он позвал, и я не могла удержаться.

– Татьяна, у тебя не так много сил, чтобы их разбрасывать. Когда же ты успела забыть, что мы сегодня собирались

пройтись по снам твоих знакомых? Тебе нужно набираться как можно больше сил, а ты расходуешь их по пустякам.

– Мы?

– Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя одну после произошедшего? Если ты не вернешься, что я буду делать в этой комнате?

– Какой же ты нудный. Вот если бы работал у нас, то я давно бы тебя уволила за занудство.

– Если бы я работал у вас, то сам бы уволился – с таким-то несоблюдением техники безопасности и наплевательским отношением к словам духа-хранителя.

Женщина хитро прищуривается.

– Ладно, давай мириться. Кстати, ничего, что я перешла на «ты»?

– Ох, опять эти ваши человеческие условности. Вон в Америке давно перешли на одно слово, которое означает обращение, а в России до сих пор практикуется «ты», «вы», – ворчливо замечает мужчина, берет с колен женщины перо и пытается вставить обратно.

Перо отказывается вставляться на место.

– А можно я буду называть тебя Андрюшей?

– Опять эти ваши условности. Называй, как хочешь. И, хотя мне совсем неинтересно, но позволь спросить – почему именно Андрюшей?

– Был у меня один знакомый ботаник, который вечно ходил и бурчал. Тут ему было не так, там ему было не этак, то

солнце не ярко светит, то волны не с той амплитудой ударяют в берег. Зануда полнейший.

– Андрюша, так Андрюша. И вовсе я не зануда, а твой хранитель. Кстати, а ты уверена, что ангелы выглядят именно так? – в очередной раз зацепив крылом столик, мужчина осматривает себя.

– Не знаю, увидела на аватарке знакомого человека, вот и запомнился образ.

Глава 5

– Сергей Павлович, я так рада, что вы пришли в себя. Честное слово, очень неприятно видеть любимого начальника в подавленном состоянии, – щебечет Людмила Анатольевна, когда они «случайно» встречаются на бизнес-ланче.

За прошедшую неделю таких случайностей было три, и Сергей начал подозревать, что у него в кабинете установлена камера скрытого наблюдения. Подозрения рассеялись, когда он вернулся за забытой папкой и наткнулся на испуганный взгляд Дарьи, которая тут же положила телефонную трубку. Сергей тогда ничего не сказал, но понял, что находится под пристальным надзором.

Он продолжает ездить к Татьяне, продолжает сидеть возле её кровати. Увы, больше никаких слов не появляется в блокноте, хотя он каждый раз с замиранием сердца ждет, что вот-вот жена даст какой-нибудь знак. Знака не появляется.

Он всё также приходит, здоровается со Светланой и сидит возле кровати жены, слушает попискивание зуммера. Светлана старается как-то разговорить его, утешить, и он с благодарностью принимает эти попытки. Он ждет знака. Но Татьяна молчит...

Теперь же он в ресторане «Сиксти» на шестьдесят втором этаже башни «Федерация». Окрошка с камчатским крабом как всегда превосходна. По просьбе Сергея её заправляют капустным рассолом, чтобы вкус был глубже, а кислинка чуть вязала рот. Но сейчас блаженство от принятия пищи слегка омрачено компанией начальницы отдела по рекламе.

Конечно, она приятная, умная женщина, но последнее время её внимание становится слегка навязчивым. И эти приемы, что пускаются в ход раз от раза... Ну, неужели она не видит, что соблазнение мужчины, описанное в «Космополитене», очень сильно отличается от соблазнения в реальной жизни?

Вот сейчас она облизнет губы после ложечки «тирамису», вот сейчас чуть поиграет с локоном и потом скажет несколько слов низким и тихим голосом. Скажет «сексуальным» голосом, призванным убедить мужчину в том, что он ей крайне интересен и у женщины перехватывает дыхание, когда она находится рядом.

Сергей уже имел дело с подобными вариантами обольщения. Порой они даже развлекались с Татьяной, когда после очередного светского раута, перечисляли приемы и методы,

которые к ним применяли «великие манипуляторы».

– Да, Людмила Анатольевна, авария ненамного выбила меня из колеи. Но я верю, что всё наладится и всё будет хорошо, – Сергей тянется за хлебом и натывается на ладонь Людмилы. «Случайно» ей тоже захотелось ломтик.

Что дальше? Чуть расстегнутая пуговка на алой блузке «потому что так жарко под кондиционером» или заколка вылетит из идеально уложенной прически, чтобы копна волос упала на плечи? Или Людмила Анатольевна осмелится пойти дальше и коснется его ноги своим педикюром? Вряд ли, сейчас же день, а этот жест более приемлем к ужину.

– Простите, – Людмила улыбается смущенно и отводит руку.

И это начальница отдела по рекламе? Эта барракуда, которая шла к своей должности по головам, как по булыжной мостовой? И ведь улыбка какая натуральная... Тут даже Станиславский закричал бы «верю». Но не Сергей.

– Ничего-ничего. Не будем же мы драться из-за куска хлеба. Мы же не тостеры в окопах с ваших эскизов. Кстати, как продвигается новая рекламная акция?

Опусти рыбку в темный омут, она вильнет хвостом и уйдет прочь от любопытного взгляда. Так и Людмила Анатольевна погружается в глубину рассуждений о новом проекте и способах его реализации. На пять минут Сергей получает передышку от водопада соблазнения. На пять минут он может отключить уши и насладиться вкусом окрошки.

– Таким образом, мы рассчитываем захватить ещё два процента на рынке, и это вовсе на заоблачные мечты, – заканчивает женщина.

Неужели пять минут так быстро проходят? Эх, на дне ещё остаются кусочки... Что же, придется допивать сок и делать вид сильно занятого мужчины. Сергей поворачивает голову и находит взглядом официанта. Тот тут же материализуется рядом и протягивает счет. Сергея всегда обслуживает один и тот же официант. Сергей всегда оставляет «на чай» одну и ту же сумму. Всё как всегда, вот только вместо Татьяны теперь сидит Людмила Анатольевна.

– Хорошо, Людмила Анатольевна. Я рад, что ваш отдел смог устроить мозговой штурм и уйти от тематики войны в более мирное русло. Надеюсь, что в конце квартала ваши усилия скажутся на росте продаж.

– Не сомневайтесь, продажи скакнут, как жеребец на молодую кобылку. Ой, извините... – Людмила Анатольевна смущенно хихикает.

– Да, не совсем подходящее сравнение, – Сергей не будет утешать и делать вид, что эта мелкая пошлость так мила. Сергей должен быть руководителем. – Если у отдела рекламы будут похожие аналогии и в акциях, то он вполне может оказаться на месте кобылки. Людмила Анатольевна, извините, но вынужден попрощаться. До встречи, мне ещё нужно поговорить с Леонидом Михайловичем.

Сергей кивает на дальний столик, где заместитель со-

средоточенно водит пальцем по планшету, а рядом остывает томатный суп. Людмила кивает и продолжает поедать свое тирамису. Стул мягко отходит в сторону. Сергей делает несколько шагов, прежде чем слышит предсказуемую фразу, сказанную тихо, но так, чтобы он услышал:

– А я бы не отказалась побыть на месте кобылки...

Леонид Михайлович из той породы людей, которые и на пенсии будут работать до тех пор, пока не упадут. Подтянутый, невысокий, юркий. На вид никак не дашь больше пятидесяти, хотя седые виски он упорно отказывается закрашивать. Вот усы подкрашивает, это точно, иначе ничем нельзя объяснить их густую черноту.

– Здравствуйте, Леонид Михайлович, – здоровается Сергей.

При посторонних только официоз – не стоит плодить слухи о панибратстве. Это за дверьми офиса он для заместителя Сережка, а тот просто Михалыч. На людях же только по имени-отчеству. Люди не должны догадываться, что Михалыч был Сережке вместо отца, когда дорожная авария унесла жизни двух молодых людей в расцвете лет. Тогда авария забрала родителей, сейчас пытается забрать Татьяну...

– Здравствуйте, Сергей Павлович. Вы на обед? – Леонид Михайлович тоже поддерживает договоренность по поводу официоза.

Сергей отодвигает кресло, обитое коричневым плюшем, и утопает в мягкости сидения. Спинка подстраивается под

поясницу посетителя.

– Да я уже пообедал. Недалеко от вас были. С Людмилой Анатольевной, – Сергей кивает на свое прежнее место, где женщина тут же прячет косметичку с зеркальцем.

– И как дела у «зазывал»? Работают на процветание буржуазии? – Леонид Михайлович тоже замечает косметичку и чуть приподнимает уголки губ.

Женщина встает из-за стола и выходит. На пороге она всё-таки бросает томный взгляд ярко-голубых глаз на своего руководителя. Сергей знает этот прием соблазнения, поэтому наблюдает за реакцией Леонида Михайловича. Заместитель поднимает руку в знак приветствия, женщина кивает и проходит к лифтам. Не заместителю предназначался этот взгляд, но Людмила умеет держать себя в руках.

– Сами видите – трудятся, не покладая рук, не щадя живота своего. Обещали к концу квартала скачок продаж, – хмыкает Сергей.

– Это хорошо. А как там Татьяна?

Карие глаза испытующе смотрят на Сергея – не вздрогнет ли? Не расслабится? Сможет ли совладать с собой?

Сергей лишь грустно улыбается в ответ. Он кладет сцепленные в замок пальцы на черную столешницу.

– У Татьяны пока стабильность. После кризиса всё выровнялось. Каждый день у неё бываю, лежит и молчит. Ожоги потихоньку заживают, раны затягиваются.

– Знаете, Сергей Павлович... – Леонид Михайлович огля-

дывается по сторонам.

Ближайшие люди сидят не меньше, чем в пяти метрах, справа огромное панорамное стекло, в которое видны крыши московских домов. Мелкие кубики «Лего». Люди с такой высоты кажутся маленькими точками, какие порой мелькают в глазах, когда очень резко поднимаешься со стула.

– Знаешь, Сережка, – заместитель подается вперед и шепчет, – а ведь Татьяна мне пару раз снилась. Будто я оказывался в вашей гостиной на даче и сидел в кресле у камина. А она сидела рядом и расспрашивала о тебе. Я всё правдиво отвечал, всё как на духу выкладывал. И это... Она не выглядела понурой и унылой, она была всё той же озорной Танюшкой-поскакушкой. Вроде как она и не собирается сдаваться и тебе не разрешает вешать нос.

– Это ты меня сейчас так поддерживаешь, Михалыч? – тоже шепотом отвечает Сергей. – Спасибо, конечно, но...

– Никаких «но», я тебя раньше поддерживал, теперь ты сам со всем справляешься. Нет, я реально видел её во сне. Знаешь, она просила меня об одном одолжении...

Леонид Михайлович помешивает в тарелке остывший томатный суп. Сергей терпеливо ждет. Он знает, что Михалыча лучше не торопить. Пусть подберет слова, осмыслит... Зато это будут такие слова, которые могут заменить часовую лекцию.

– Она просила меня поменяться с ней телами. На время...

– Шутишь?!

Небольшое количество супа выливается на белую салфетку. Разливается красной кляксой, похожей на каплю крови. Посетители ресторана оборачиваются на них.

Леонид Михайлович с укоризной смотрит на Сергея, а тот чувствует, как сердце начинает прыгать по грудной клетке. Ведь в недавнем разговоре с близкой подругой Татьяны, Илоной, та тоже говорила о подмене тел. И снова они с Татьяной сидели в дачной гостиной. И Татьяна тоже расспрашивала о Сергее. Он тогда не придавал этому значения, а вот теперь... Почти слово в слово...

Почему же она ему не снится?

– Чего ты так орешь? Вот подавится кто-нибудь из посетителей и придется делать ему искусственное дыхание. А если не получится, то его смерть будет на твоей...

– Да, перестань, Михалыч. Всё нормально же. Ты не пове-ришь, но ты не единственный, кто мне такой же сон рассказывал. Помнишь Илону, такую черненькую... вечно с дрожащей собачкой на руках? Так вот, она мне тоже самое рассказывала. Представляешь?

– Слушай, а ты же говорил, что она тебе писала в блокноте? Может, она и в самом деле пытается как-то до тебя достучаться? Тогда в следующий раз обязательно соглашусь, а то я лишь посмеялся. Ну ты знаешь, какой шутницей была Танюшка... То есть какая шутница она и есть. Извини.

Сергей слушает Михалыча уже вполуха. Он смотрит на часы. До времени посещения ещё два часа. Как бы их за-

нять? На работу возвращаться? Да уже вряд ли заставит себя переключиться. Ехать в пустой дом? Тоже не вариант – последнее время его дома начинает всё раздражать. Квартира начинает раздражать, будто она виновата, что в ней нет Татьяны. Остается только покататься по Москве, чтобы проветрить голову и переварить информацию.

Она не сдается и не разрешает ему вешать нос! Лучшей новости и представить нельзя!

– Леонид Михайлович, мне нужно отправиться на встречу, поэтому вам снова придется остаться за старшего. После обеда были запланированы пара совещаний, доверяю вам их провести, – Сергей подмигивает и понижает голос. – Михайлыч, я поеду к Татьянке. Привет от тебя передам и скажу, что ты согласен.

– Хорошо, Сергей Павлович. Я проведу совещания, не сомневайтесь, – Леонид Михайлович подмигивает в ответ и шепчет. – Если в следующий раз полезу с поцелуями, то знай, что это не я. И не давай мне сбривать усы!

Интерлюдия

– Андрюша, я уже не знаю, что и делать. Я побывала во снах почти всех знакомых людей. Да уж, узнала много интересного. Неужели они на самом деле так ко мне относятся? Ведь я с ними не ссорилась никогда.

– Люди могут завидовать тебе подсознательно. Да и кто

в своем уме придет к начальнице и начнет ей высказывать свое отношение? Но ты же всем передаешь, чтобы Сергей не опускал руки. Неужели ты сама сдашься?

Татьяна любят танцем огня в камине. Гостиная не меняется, остается прежней. Вот только иногда приходится поднимать перья, которые теряет ангел.

Ангел-Андрюша просил её пару раз вообще убрать эти ненужные отростки. Спрашивал – где летать в этом замкнутом пространстве? Но за его занудливость Татьяна из вредности не убирала огромные крылья. Подумывала порой ещё о кляпе, но это вряд ли помогло бы. Хранитель мог разговаривать и с закрытым ртом, а о выразительном взгляде можно и не упоминать.

– Может, мне снова вернуться к написанию в блокнот? Я же слышу, как Сергей просит об этом.

– Скажи, а ты всех спросила? Давай попробуем ещё раз? Гораздо легче помочь Сергею, когда ты будешь находиться рядом... пусть и в чужом теле. Словами в блокноте ты вскоре истощишь свою ментальную силу, и все усилия медицины не смогут тебя спасти. И его выручить не удастся.

– Да уж, после того, что я узнала, Сереже и в самом деле нужна помощь. Кого из знакомых мы можем ещё спросить? Нет, я предполагала, что ситуация накаляется, но чтобы настолько... Скажи, а почему я не могу присниться самому Сереже? Я бы всё ему рассказала...

– Нельзя. Ваш эмоциональный фон будет настолько мощ-

ным, что сердце не выдержит. Не спорь, такое уже было с другими людьми, поэтому всем хранителям строго-настрого запрещено допускать нечто такое. Не переживай, Сергей видит тебя во снах, но это сны из вашего прошлого. А сейчас... Подожди! Сейчас ты кому-то снишься. Этот человек ещё не вступал на пол твоей гостиной.

– Так чего же мы ждем? Давай его сюда, я постараюсь снова уговорить... Не знаю, в какой раз, но постараюсь.

Дверь в гостиную открывается...

Глава 6

Вечернее посещение принесло радостный момент. Возможно, Сергею показалось, возможно, это всего лишь игра воспаленного разума, но он видел, как уголки губ Татьяны дернулись, когда прикоснулся к её руке. Он моргнул и в этот момент легкая улыбка пропала. Да, вчера весь вечер проходил под впечатлением от этого события, даже поделился им со Светланой, на что та кивнула. Светлана согласилась с ним. Она сказала, что после его посещений состояние Татьяны чуточку, но улучшается.

Пусть это ему только кажется, пусть он себе это придумывает, но когда звонит будильник, то Сергей уже на ногах. Настроение такое, что тело подбрасывает вверх. Хочется петь, плясать и ходить на голове. Он пытается повторить па из балета, роняет чашку кофе, растягивается на полу и понимает,

что Цискаридзе из него вообще никакой. Видели бы его подчиненные – начальник в шортах лежит в луже коричневой жидкости. Лежит и глупо улыбается...

– Сегодня чудесная погода для купания и посещения пляжа. Небо безоблачно и синоптики утверждают, что солнышко будет радовать до самого вечера. А мы сейчас находимся на Раушской набережной и...

– Я уже искупался! Где мой пляж? – спрашивает Сергей у телевизора.

Ведущая Ирина Муромцева делает вид, что не слышит его вопроса и продолжает разглагольствовать о погоде в Москве. Сергей поднимает с пола осколки чашки, вытирает с сероватого ламината коричневую лужу и снова нажимает кнопку на кофеварке.

– На счастье, – говорит он, когда выкидывает осколки в мусорную урну.

Быстрый завтрак, душ, и через полчаса директор концерна «Тансер» садится в свою машину. Ещё неделя и из отпуска выйдет шофер Максим, а пока водит сам, не желая пускать в «Мерседес» штатных водителей. Пробки только начинают скапливаться, так что Сергей проскакивает без особых временных потерь.

Привычные колоссы из стали, стекла и бетона стараются ослепить солнечным светом. Лифт ползет вверх медленно, так что Сергей успевает вспомнить о словах Леонида Михайловича. А что если сегодня заместитель и в самом деле

станет вместилищем духа Татьяны? Лучшего подарка и придумать сложно.

Сергей начинает насвистывать незатейливый мотивчик. Вроде бы «Турецкий марш».

Лифт ползет медленно, но недостаточно медленно для того, чтобы Дарья успела выйти из кабинета генерального директора и закрыть за собой дверь. Она замирает кроликом перед удавом, когда видит непосредственного руководителя. Листок формата А4 с синяками печатей и закорючками подписей не успевает спрятаться за девичью спину.

– Дарья, я так понимаю, что утро не у всех сегодня доброе? – голос Сергея спокоен и дружелюбен, но о взгляд серых глаз можно порезаться.

– Се-сергей Павлович... я... я...

– Ты сейчас зайдешь ко мне в кабинет и расскажешь – почему взяла договор купли-продажи. Что там у тебя? «Север-сталь»?

Солнечный водопад врывается в панорамное окно, когда Сергей нажимает кнопку электрожалюзи. Он не садится в кресло, а отодвигает коричневый стул возле стола. Кивает на него Дарье и придвигает второй стул. Садится так, что его лицо оказывается на расстоянии полуметра от секретарши, цвет лица которой сравнялся с листом бумаги.

– Даш, ты хорошо работала всё это время. Что же случилось сейчас? Для кого ты взяла этот договор?

Девушка мнет полу темно-синей жилетки. Она отводит

взгляд, когда Сергей пытается разглядеть хотя бы каплю раскаяния. Она вздрагивает и втягивает голову в плечи, когда он резко выпрямляется.

– Даша, сколько же тебе заплатили, что ты готова пойти под суд за воровство?

– Простите... Сергей Павлович, я не хотела, – отзывается девушка, не поднимая глаз.

– Да, я знаю, что ты не хотела, что тебя заставили, что у тебя проблемы и всё такое. Даша, мне нужны не извинения, мне нужна фамилия человека, который тебя «попросил» это сделать.

Секунды стекаются в минуты. Минуты же грозят растянуться на часы. Дарья не поднимает глаз, закрыв их занавесью волос.

– Да-а-а, сколько же информации ты за это время «слила»? Скажи – кто этот человек, который смог тебя заставить? Вот только не говори, что это ты сама. Ты бы ничего не смогла сделать с этим договором. Не-е-ет. Это кто-то из высшего состава... Но вот кто? Ты меня слышишь? Даша?

Девушка вздрагивает и едва не подпрыгивает на месте. Она всё-таки осмеливается посмотреть на начальника. Две влажные дорожки прокладывают путь по девичьим щекам. Молчит, отворачивается.

Сергей вздыхает. Он сейчас должен вызвать полицию, написать заявление, чуточку приплатить тому, кто будет допрашивать и тогда эти умельцы выдадут нужную информа-

цию. Но это же Даша – девушка, которая четыре года успешно справлялась со своими обязанностями. Почему же так?

– Даша, ты же понимаешь, что я сейчас должен вызвать полицию? А дальше скандал, суд, статья в «трудовой». Поломанная жизнь и беспросветное будущее. Неужели ты пойдешь на всё это ради людей, которые толкнули тебя на воровство?

Пола темно-синей жилетки комкается в девичьих пальцах. Девушка всхлипывает и поднимает взгляд на руководителя.

– Я понимаю, Сергей Павлович. Я всё понимаю. Простите меня, если сможете.

– Значит, не скажешь? – мужчина делает очередную попытку достучаться до девушки, к которой за всё время работы не было никаких нареканий. – Неужели эти люди тебе так дороги?

Первые слова даются Дарье с трудом. Они сочатся тоненьким ручейком сквозь трещину в плотине, и трещина всё больше разрастается.

– Пять лет назад помогли... У меня заболела мама, и была необходима операция на сердце. Мне дали денег в обмен на услугу в будущем... Потом устроили на работу к вам. Я была очень благодарна... Я не могу назвать имен, Сергей Павлович. Пусть меня пытаются, но я не скажу... Я не сливала информацию, я работала честно. Но вот недавно меня попросили вынести этот договор. Или его, или заплатить деньги за

операцию... Делайте, что хотите, мне уже всё равно.

В дверь раздается стук. Даша вздрагивает и озирается, словно ожидает увидеть в проеме полицейских с наручниками. Вместо грозных представителей закона на пороге возникает Лупарев. Черные усы появляются не вовремя.

– Серё... Кх-кх, – Леонид Михайлович видит Дарью и тут же поправляется. – Сергей Павлович, я по поводу транзита через Ямал. У вас тут совещание?

– Леонид Михайлович, это вы? – сердце у Сергея гулко стучит. – То есть, я хотел сказать...

– Да, Сергей Павлович, это я, – заместитель поджигает губы и слегка разводит руками.

Сердце Сергея успокаивается, но зато загораются глаза.

– Дарья, посиди пока, а мне нужно с Леонидом Михайловичем выйти на пару минут, – Сергей кладет руку на плечо девушки.

Дарья коротко кивает. Сергей выходит из своего кабинета, оставив девушку внутри. Дарья вынимает мобильный телефон и после секундной паузы убирает его обратно. Так повторяется ещё два раза. Наконец она глубоко вздыхает и откладывает телефон в сторону. Будь что будет. Она не станет сообщать о том, что попалась. Дверь за спиной мягко отзывается на легкий толчок.

– Значит так, Даша. Сколько ты должна нанимателям? – Сергей подходит к девушке, Леонид Михайлович садится по другую сторону стола.

– Три миллиона, – выдыхает девушка.

– Ого, нормальная сумма, – присвистывает Леонид Михайлович. – Дороговата у нас медицина.

– Да уж, сумма не маленькая. Ладно, Даша, мы поступим с тобой так. Договор купли-продажи я тебе отдать не могу, – Сергей крутит в руках ручку.

– Я понимаю, – всхлипывает девушка.

– Но также не могу оставить тебя наедине с нанимателями. Работница ты отличная, нареканий не было... до этого дня. Давай-ка устроим тебе отпуск. Тебе и твоей маме. Что ты так хлопаешь глазами? Мы поговорили с Леонидом Михайловичем и решили заплатить за тебя долг. Знаю, что это звучит нереально, ведь ты всё равно не собираешься называть имена нанимателей. Да-да, ты их боишься больше, чем полиции, поэтому я не буду тебя мучить расспросами. Но мне от тебя нужна помощь в одном необычном вопросе...

Девушка недоверчиво смотрит на уже бывшего начальника. Неужели правда то, что она сейчас услышала? Или этот русоволосый мужчина сейчас расхохочется, а её тонкие руки сожмут стальные браслеты наручников? Или он предложит отработать проступок, и эта работа будет связана с извращениями..?

Люди привыкают видеть плохое. Ведь это плохое сыплется с экранов телевизора, с мониторов компьютеров, из магнитол машин и мобильных телефонов. Люди перестают верить в сказку. А то, что предлагает Сергей Павлович, иначе

как сказкой не назовешь.

– Что я до-должна сделать?

– Видишь ли в чем дело... Не сочти меня за дурака и идиота, но... Ты знаешь, что моя жена находится в коме?

– Да, я соболезную вашему горю.

– Так вот, ты можешь мне сейчас не поверить, но я прошу тебя согласиться на замену тела, когда Татьяна придет тебе во сне. На время, чтобы мы успели поговорить...

– Что-о-о?

Дарья косится на дверь. Такого предложения она не ожидала услышать. Возможно, с её начальником случился нервный срыв, и он сошел с ума? Почему же тогда Леонид Михайлович так спокойно смотрит на них? Помешательство может быть у одного человека, но не у двоих же сразу...

– Ты можешь не верить ему, девочка, но это так. Я бы тоже не поверил, но Татьяна ко мне приходила. И не ко мне одному. Она просит поменяться на время, не навсегда. Я бы с радостью это сделал, но она мне больше не снится, – вздыхает Леонид Михайлович.

Дарья думает, что это бред полнейший. Такое только в фильмах может быть, в каких-нибудь американских комедиях. Но на кону оплата долга. И если её «наниматели» отстанут... Она сможет найти новую работу, сможет начать новую жизнь.

– То есть, я должна согласиться поменяться телами с Татьяной Алексеевной? На время? А если она мне не приснит-

ся? – девушка всё-таки готова вскочить и убежать от этих психов.

– Если не приснится, то примешь деньги как «золотой парашют». И ещё одна просьба – не надо никому рассказывать о нашем разговоре, – Сергей Павлович берет руку Даши в ладони. Ладони теплые, суховатые.

– Не знаю, Сергей Павлович. А как...

– Тебе придется уволиться. Это в целях твоей же безопасности. Пока ты будешь рядом, то «наниматели» не отстанут. Не волнуйся, я устрою тебя в другое место, к своему товарищу. Даже буду приплачивать в качестве бонуса. Мне нужно лишь твое согласие, – Сергей чуть стискивает ладонь девушки.

– Хорошо, я соглашусь поменяться телами с Татьяной Алексеевной, если она мне приснится, – отвечает девушка и видит, как на лице генерального директора расцветает улыбка.

Он так редко улыбается в последнее время...

– Вот и отлично. А теперь пиши заявление об увольнении. Оформим одним днем, а кредитку тебе чуть позже передаст Леонид Михайлович. Мы же можем левым числом оформить на неё кредит? Не пугайся, Дарья, это будет лишь на бумаге, – Сергей пожимает руку бывшей секретарши, и она ему почему-то верит.

– Сделаем, Сергей Павлович. Не переживай, Дашенька, всё будет хорошо, – из-под усов Леонида Михайловича по-

казываются белые зубы. – А сейчас иди, поскакушка. Тебе ещё собираться нужно.

Вряд ли существует много случаев, когда человек увольнялся с улыбкой на лице. Дарья думает, что её случай один из таких. Зря утверждает молва, что утро добрым не бывает. Бывает, ещё как бывает!

Сергей же углубляется в работу, но в мозгу постоянно свербит червячок мысли: «кто?» Кто попросил Дарью забрать договор купли-продажи «Северстали»? На общем собрании он пытается увидеть какие-либо изменения в лицах подчиненных, но те остаются прежними, сосредоточенно-приветливыми. Масками бизнеса. Непробиваемыми.

Даша уходит после обеда. Она прощается и благодарит Сергея Павловича, а мужчина в ответ советует ей стереть улыбку и выглядеть крайне опечаленной. Дарья улыбается напоследок и выходит из кабинета уже с печатью вселенского горя на лице.

Время до вечера тянется туго, словно медицинский жгут. Но Сергей дожидается открытия посещений. Он снова приносит полевые цветы в палату.

– Милая, я знаю, ты слышишь меня. Я знаю, что ты пытаешься докричаться до меня. Я тоже хочу поговорить с тобой. Хочу попросить прощения за свою вспыльчивость и ревность. Мне надо так много сказать тебе... У меня есть хорошие новости – я нашел человека, который согласился поменяться с тобой телами. Это Даша, моя секретарша. Ну

как, уже бывшая секретарша, но это долгая история. Зато она согласилась. Представляешь? Ты сможешь поговорить со мной! Таня, я очень люблю тебя. Не оставляй меня одного, пожалуйста, – Сергей касается руки лежащей жены. Касается с надеждой, что сейчас что-нибудь произойдет. Что-нибудь хорошее.

Однако ничего не происходит. Татьяна всё также лежит на кровати. Зуммер всё также попискивает. Пики и ущелья всё также продолжают ломать линию.

Белая дверь открывается и входит плотная медсестра с алыми, как пламя костра, волосами. В руках у неё катетер для кормления.

– Здравствуйте. Извините, что беспокою, – голос низкий, грудной, – но у нас намечается ужин.

– Здравствуйте. Да-да, конечно. А где Светлана? У неё выходной? – Сергей поднимается со стула.

Женщина вздыхает:

– Нет, она сегодня написала заявление по собственному желанию. Вроде как не может больше работать в этом месте. Мне она так и не призналась – почему. Теперь придется новенькую обучать.

Интерлюдия

– Неужели так просто? Ведь это же трудное решение.

– Для меня это просто. Я вижу, как он любит вас. Скажите,

а вы, правда, ему писали те слова?

– Да, правда. Потом оказалось, что я могу пообщаться с ним через чужое тело. Я многих спрашивала, но меня не воспринимают всерьез. А вы согласились так сразу...

– Мне больно смотреть на то, как он мучается. Он вроде бы пытается перед вами в чем-то извиниться?

– Да, но там мы оба виноваты. Я должна была сказать о сюрпризе, а он не так воспринял происходящее и заревновал. Долгая история, как-нибудь я вам её расскажу.

– Хорошо. А как должно всё происходить? Мне это очень интересно, потому что видела такое только в фантастических фильмах. Что должно произойти?

– Андрюша, как нам быть дальше?

Мужчина в красной тоге и с двумя большими белыми крыльями подходит к двум женщинам и сцепляет их руки. Они останавливаются перед зеленой дверью. Именно из неё недавно вышла девушка по имени Светлана. Две двери – одна в тело Светланы, другая в тело Татьяны. Зеленая и бежевая.

– Дышите равномерно, думайте о хорошем. Татьяна, не бойся новых ощущений – я всегда буду рядом с тобой. Я буду для остальных незрим, но с тобой могу переговариваться. Заходи в её комнату. Так, теперь что касается тебя, – ангел обращается к другой женщине. – Ты остаешься в гостиной и можешь заниматься чем угодно – на что только хватит фантазии. Это часть твоего сна и ты тут тоже можешь походить

ничать. Теперь глубоко вдохните. Хорошо. Теперь резко выдохните.

Глава 7

– Сегодня утро в Москве не радует солнцем. Мелкий дождик грозит затянуться до самого вечера, но это не мешает москвичам радостно идти на работу, – камера показывает улыбающегося молодого человека, который шлепает по лужам и показывает телезрителям поднятый большой палец правой руки. Бодрый голос ведущей старается зарядить телезрителей оптимизмом, но внешний вид утверждает, что она с гораздо большим удовольствием посидела бы в каком-нибудь кафе с чашкой горячего кофе, чем стояла на промозглом ветру.

– Привет, Москва! Привет, Россия! С добрым утром! С вами Леша Терентьев, группа «Завод»! И сегодня мы начинаем этот день вместе! – весело кричит в камеру молодой человек. Над широким лбом модный «кок» из фильма «Стиляги», одежда яркая, словно взята напрокат из цирка. Солнечный человечек.

Сергей усмехается и делает звук тише. Очередной ультрамодный певец спешит засветиться, чтобы получить кусочек славы перед тем, как уйти в забвение. Что он поет? Сергей пытается вспомнить, но ничего не получается. Слишком уж много на сцене мальчуковых групп, которые поют об одном

и том же. Слащаво поют о любви...

Сегодня будильнику снова не удастся застать Сергея в постели – слишком сильные эмоции бродят в груди, чтобы сердце могло спокойно биться. Он сам не знает, как назвать эти эмоции. Предчувствие? Предугадывание? Надежда? Но одно он знает точно – сегодня случится что-то из ряда вон выходящее. Возможно, сегодня он встретит Татьяну...

Телефон Дарьи уже на экране сотового. Одиннадцать цифр, набрав которые можно услышать голос бывшего секретаря. Да, голос секретаря, но слова будут Татьяны. Возможно, будут. Из-за этого «возможно» Сергей и нервничает. Он ощущает себя человеком, перед которым наперсточник раскинул две емкости для зарабатывания денег и ему нужно угадать – под каким наперстком находится шарик. Под правым или под левым? Вселилась Татьяна или не вселилась?

Молодой человек буквально лучится счастьем на экране. Не надо солнышка, он сам будет светить! Он обогреет весь мир и каждого человека! Только приходите на концерты его группы. Будет круто, будет весело и романтично.

– Будет как обычно, – хмыкает Сергей и снова кидает взгляд на телефон. Позвонить или не позвонить?

Он боится, что звонком разбудит Дарью, и процесс переселения не осуществится. А как он вообще проходит, этот процесс?

Минуты тянутся также долго, как вчера, когда он ждал ответа от Дарьи по поводу «нанимателей». Утром прозвучало

два звонка, от которых он вскидывался, но это были звонки от партнеров по бизнесу. Сергей сам себе кажется ребенком, который после Новогодней ночи лежит в кровати и ждет, пока родители проснутся, чтобы подбежать к елке и открыть подарки.

Телевизор вещает о контроле качества и о том, что это никакая не реклама. Сергей смотрит, как люди выбирают сыр, пьют кофе. Старается отвлечься от мыслей о звонке и думает о людях, которые «попросили» Дарью вынести договор. Предприятие «Северсталь» уже находится на последнем издыхании и через некоторое время Сергей сам собирается его продавать. Так почему же Дарья взяла именно этот договор? Может, для того, чтобы попасться Сергею? Может, для того, чтобы послужить отвлечением от более существенного и важного?

– Дилинь-дилинь! – оживает мобильный телефон.

«Бог любит троицу!» – вспоминается старая присказка, и она не ошибается. Действительно – на экране телефона высвечивается фотография Дарьи и её имя. Со смешанными чувствами (надеждой и опаской) Сергей берет телефон в руки и проводит пальцем по сенсору.

– Алло? – первое слово дается с трудом. Будто слово перелезает через ком, застрявший в горле.

– Сергей Павлович, здравствуйте! Это Даша. Я... Татьяна Алексеевна не приходила сегодня, – слышится тихий девичий голос. – Извините.

Сергей поджигает губы.

– Ничего, Даша. Спасибо тебе за согласие и если что...

– Да-да, я с радостью. Вы знаете, я отдала долг... мы с мамой так вам благодарны... Если я могу как-нибудь ещё вам помочь.

«Скажи, кто заказал украсть договор?» – чуть не вырывается у Сергея, но он сдерживается.

– Пока всё, Дарья. Отдохни, через недельку тебе перезвонят по поводу работы.

– Ой, спасибо, Сергей Павлович! Это так здорово, я очень виновата перед вами, а вы... Вы святой человек. Пусть у вас всё сложится хорошо, и Татьяна Алексеевна пусть скорее выздоровеет.

– Благодарю, Даша. Если надумаешь, то звони в любое время. Всего доброго.

– До свидания, Сергей Павлович, – слышится в ответ, и телефон отзывается пиканьем.

Наперсточнику в этот раз снова удалось обмануть пассажира, и Татьяна не вселилась в тело Дарьи. Но она пытается и, возможно, именно в этот день он встретит её. Встретит в чужом теле. Пока её тело лежит в палате под присмотром медсестры. Конечно, жаль, что Светлана уволилась, но это дело молодой девушки, которая выбрала иной путь развития карьеры. Или же она ушла из-за молодого человека? Сергей так и не успел что-либо расспросить о личной жизни, зато немало рассказал о своей.

Как бы то ни было, но пора выходить. К Леше Терентьеву, вокалисту группы «Завод», присоединяются ещё трое ребят, таких же молодых и активных. Тех самых, от которых пищат школьницы и студентки. Ребята принимают стильные позы, набирают в грудь воздуха, но Сергей не дает им исполнить один из «заводских» хитов. Экран телевизора гаснет и в квартире снова разливается тишина.

Тишина в последнее время стала полноправной хозяйкой в пятикомнатной квартире. Сергею кажется, что когда он заходит, то она прячется под кроватью, и терпеливо дожидается, пока он уйдет, чтобы снова разлечься на покрывале.

Черная торпеда «Мерседеса» выныривает из подземной парковки и катится по сырым улицам Москвы. Светофоры устало моргают, хмурые лица мелькают белыми пятнами, мелкий дождик барабанит по лобовому стеклу. Но Меркьюри кричит из динамиков, что шоу должно продолжаться.

«Она не выглядела понурой и унылой, она была всё той же озорной Танюшкой-поскакушкой. Вроде как она не собирается сдаваться и тебе не разрешает вешать нос», – вспоминаются слова Леонида Михайловича.

Если Танюшка не собирается сдаваться, то Сергею подавно положено быть мужчиной и держать себя в руках. Он же Курихин! Он человек, который не сдается, потому что в пятидесятый раз что-то не выходит. В пятьдесят первый раз обязательно должно получиться. Нужно верить в хорошее...

Колонны Москва-сити призваны поражать воображение

при солнечном свете. Они заставляют присвистнуть и при хмурой погоде. Сергей в очередной раз восхищается фантазией архитекторов, которые дерзнули воплотить в жизнь фантастические идеи. Парковка почти заполнена, но их места свободны.

Сергей выходит из машины и пытается раскрыть зонтик. Черный рулончик почему-то не хочет превращаться в тонкую грибную шляпку. Дождик хоть и мелкий, но противный. Пока дойдешь – успеешь вымокнуть. Сергей раздраженно трясет вредный зонтик, пытается нажать на кнопку, но та не поддается. Эх, Татьяна просто взяла бы рулончик, и в её руках он раскрылся, такое бывало не раз...

В борьбе с зонтиком он не замечает, как на него налетает какая-то фигура.

Яркая вспышка ослепляет...

Приходит ощущение полета... Долго, непозволительно долго, словно он падает с крыши небоскреба... Словно он падает с башни «Федерации»...

Серые плитки дорожки никогда не были мягкими. Они не собираются становиться мягкими и сейчас, когда на них падает тело генерального директора концерна «Тансер». Концерна, чье название создано из двух имен – Таня и Сережа.

– Сергей Павлович! Сергей Павлович! – сквозь беруши доносится взволнованный женский голос.

Беруши? Откуда у него в ушах беруши? Почему он лежит на холодных плитках? Неужели зонтик настолько резко рас-

крылся, что его отшвырнуло на землю?

Сергей пытается приподняться на локте. С трудом, но это получается. Он видит, как к нему бежит красивая женщина. Лицо женщины кажется знакомым. Кто это? Слова всплывают в бушующем океане боли, который выходит из берегов черепа и старается распространиться по телу. Людмила Анатольевна! Именно так зовут эту красивую женщину. Да! Точно! Людмила Анатольевна.

А кто там лежит у декоративного столбика? Какая-то девушка в цветастом сарафане и желтой кофточке. Лежит без движения. Ей же нужна помощь, а то простынет на холодной собянинской плитке.

Никто не видит, как над лежащей девушкой застывает мускулистый блондин в красной тоге и с огромными белоснежными крыльями за спиной. Для остальных людей он невидим. Блондин невидим для красивой женщины, которая пробегает мимо лежащей девушки. Невидим для мужчин в костюмах, которые тоже бегут к упавшему. Он не отражается даже в зеркальной стене башни.

– А-андрюша, что случилось? Что произошло?

– Я же говорил о ментальном выплеске. Но я не предполагал, что... Сергей в этот момент думал о тебе, ты думала о нем – слишком большое эмоциональное напряжение. Нам нужно вернуться!

– Как? Но я даже не поговорила с ним!

– Ты сейчас не можешь пошевелиться, а что будет, если

он обнимет тебя? Ты полностью потеряешь контроль над телом, Татьяна! Светлана останется томиться в твоём теле! Подумай о ней! Нам надо вернуться. Сейчас же!

— Андрюша, милый, но я рядом, я могу коснуться его! Пожалуйста, сделай что-нибудь?

— Я могу тебя только перенести обратно... И это самое трезвое решение.

— Прошу тебя, сделай что-нибудь. Ведь он рядом.

— Это будет для тебя очень и очень тяжело. Да что там тяжело — это для тебя неосуществимо...

— Что? Скажи, не томи же! Что нужно?

— Нельзя показывать, что именно ты находишься в чужом теле. Иначе произойдет взрыв ещё большей силы, и тогда пострадают уже трое: ты, Светлана и Сергей. Я же говорю, что это невозможно, поэтому отправляемся обратно.

— Нет, Андрюша, милый, дорогой! Подожди! Я смогу... я справлюсь. Я не скажу Сергею, что я рядом. Я смогу... Позволь мне остаться? Ну что ты мотаешь головой? Я даже уберу твои крылья. Честно-честно.

— Да пойми ты...

— Я всё понимаю, Андрюша! Пожалуйста!

— Ну, если только убережешь крылья... Но помни — эмоциональная связь между вами очень сильная и крайне нестабильная. Сергей знает, что ты ищешь выход и будет приглядываться ко всем. Он очень любит тебя. И этим он

может вас обоих убить. Да ещё и Светлана... Ты уже ей лоб поцарапала, как оправдываться будешь?

– Оправдаюсь! Спасибо, Андрюша! Я смогу!

Сергей успевает сесть прежде, чем его коснулись женские руки. Шум в голове напоминает рев турбин реактивного самолета. Злополучный зонтик валяется у зеркальной стены. Ещё и ботинок слетел...

– Что с вами, Сергей Павлович? Всё в порядке? – спрашивает Людмила, когда присаживается возле трясущего головой начальника.

Женские руки хватаются за пиджак. Подбегают громилы из службы безопасности, несколькими профессиональными движениями ощупывают Сергея. Встревоженные взгляды, проверка пульса. Либо врач, либо военный. Скорее всего, бывший спецназовец, их же обучают премудростям по оказанию первой помощи.

– Да у меня всё нормально. – Сергей отталкивает руки и пытается встать. Его подхватывают и помогают подняться. Он досадливо отмахивается и обувает принесенный ботинок. – Не надо, я сам. Что с девушкой?

– С ней всё в порядке, только царапина на лбу. Сейчас приходит в себя, – отрапортовал один из охранников, который помогает встать темноволосой девушке.

Сергей видит её знакомое лицо и понимает, что снова забыл её имя. Это та медсестра, которая сидела с его Татьяной, а теперь уволилась.

– Сергей Павлович, давайте я вас провожу, – Людмила Анатольевна подхватывает под локоть, но Сергей снова отмахивается.

– Спасибо, Людмила Анатольевна, я уже пришел в себя. Что случилось? – спрашивает у охранника, пока подходят к поднимающейся девушке.

– Вы вышли из машины, эта девушка налетела на вас, а потом ка-а-ак уе... Простите, между вами ударила молния и вы разлетелись в разные стороны. Может, «Скорую» вызвать? – охранник постарался ещё раз заглянуть в глаза Сергея.

– Не надо. Мы вместе с девушкой покажемся нашему врачу. Сидор Абрамович на месте?

– Да, приехал недавно, – кивает охранник и отходит чуть в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.